

Галина ЕРМОШИНА

В ДВИЖЕНИИ

Мильштейн А. Серпантин: роман. – М.: ОГИ, 2008. – 232 с.

Наверное, первое, что приходит в голову при чтении романа «Серпантин» Александра Мильштейна, это «На дороге» Джека Керуака. Только персонажи Керуака путешествуют в никуда, пытаясь обрести свободу от мира, а герои Мильштейна не выдерживают той свободы, которая у них есть.

Поэтому постепенно серпантин горной дороги становится механизмом пружины, который уже невозможно удержать в скрученном состоянии. Автору удалось так сгустить время, что читатель видит происходящее в несколько замедленном режиме. Все происходит в тот момент времени, когда пружина начинает свое центростремительное движение, похожее на вращение спиральной галактики до тех пор, пока не потеряется ощущение центра. А оно рано или поздно непременно потеряется, потому что в определенный момент в одном из витков спирали начнет раскручиваться новая спираль, с другим центром, но связанная каким-то болевым чутьем с первоначальным.

Дело происходит в Крыму. «Место силы, точка сборки?» – пытается определить это место один из персонажей. Там, где пространство уже разрушено или где оно только собирается? Или же промежуток между разрушением и созиданием, место без времени и пространства, где можно пребывать в невесомости? В романе несколько историй, фрагментов бытия. Каждый из персонажей совершает побег из прежней жизни, которая становится тесна, начинает давить, мешает дышать. Существование, вырванное из привычного пространственного контекста, представлено осколками – разговорами, воспоминаниями, снами, и эта осколочность прошлого – всего лишь часть той каменной мозаики, которую пытается собрать каждый из персонажей, чтобы разобраться в себе.

В определенный момент понимаешь, что время перестает подчиняться размеренному поступательному движению и начинает двигаться рывками. Подобно броуновскому движению персонажей – в никуда, подчиняясь ландшафту. Человек застигнут в процессе движения, пойман этим процессом, даже если он не перемещается от одного ориентира к другому, а просто беспорядочно бродит. «Под ногами у него всё перемешалось, суша, море, сны, холсты... Они шли и шли... Без конца.... На бреющем полёте...»

Метафизика падения или восхождения. Кто-то освобождает энергию и разрушительную силу спирали, кто-то, наоборот, скручивает ее в черную точку, размещенную возле сердца. Кто-то пробирается серпантинном дороги, кто-то серпантинном памяти.

Проза Мильштейна вообще имеет довольно разветвленную структуру, когда сюжет состоит не из единого плотного полотна, а образуется из непредсказуемого переплетения тонких нитей, подводных течений, почти незаметных тропинок, остающихся как бы на заднем плане. Отсюда определенная конспективность текста. Очень многое автором не объясняется, а проговаривается как бы «фоном», хотя на самом деле этот фон и есть самое главное. Текст не то чтобы легкий, а какой-то текучий, и в то же время острый.

Результатом становится процесс, само существование в этом движении, в хаосе, беспорядке, в этой «маленькой воронке пространства». В какой-то момент исчезает все, что имеет материальную плотность. Остается только скольжение вниз, по серпантину воздушного опрокидывания. «И теперь траектория была наклонной пологой линией... Дельталёт двигался в режиме скольжения... Больше он ничего не помнил... И казалось, что дельталёт продолжает падение – прорвав поверхность пузыря – теперь уже во что-то... совершенно бездонное...»

Жизнь подставлена под увеличительную линзу, и неважно, что является линзой – большая медуза, хрустальный череп, подводный фонарь или пограничный прожектор, если в результате

персонаж все равно попадает в гибельную воронку раскручивающейся спирали. Свобода оказывается мгновением, когда дельтаплан начинает падать. «И это всё, собственно... Шёпот, шипение факелов... Мы идём... Уже светает, но в сером воздухе нам ещё какое-то время мерещатся чёрные сгустки... Мы не знаем, что это... Летучие мыши... Или вороны сожжённой бумаги... Всё равно, при порывах ветра они рассыпаются прямо у нас на глазах...»

Происходит исчезновение оболочек, одни предметы растворяются в воздухе, другие сгущаются из темноты, вода отбрасывает тень, а тени заменяют собой человека из плоти и крови. Повествование становится головокружением, сном, забытьем, болезнью. Текст начинает пульсировать в ритме день-ночь, свет-тьма. Этот пульс стремительно учащается, напоминает азбуку Морзе, кричащую о спасении. Люди превращаются в темные контуры, очерченные пограничным прожектором, становятся впечатанными в асфальт тенями. Жизнь переходит в сослагательное, условное наклонение. Серпантин срывается в головокружительный вираж. Память все агрессивнее сталкивает человека в пропасть беспамятства. Чтобы выйти оттуда другим – конечно, если получится – выйти. Но нужно двигаться, независимо от результата и направления, важно не останавливаться. «Беги, кролик, беги – в обратном направлении... Путь вверх и путь вниз – один... Знает, и в ту же самую реку... ещё можно вступить... Имя реки – река...»

Елена ИГНАТОВА

ХРОНИКА СМУТЫ

Валерий Казаков. Тень гоблина: роман. – «Сибирские огни» 2008, №№ 2 и 3; М.: ВАГРИУС, 2008

Из сочинений о жизни России конца прошлого века можно составить небольшую библиотеку где есть все – от памфлетов до мемуаров политических «отставников», в которых смесь мелочей, вымыслов, сплетен мало проясняет происходившее. Роман Валерия Казакова «Тень гоблина», воссоздающий атмосферу в высших кругах государственной власти, замечателен тем, что автор рассматривает недавнее прошлое в контексте российской истории, в первую очередь – времени Смуты, сотрясавшей Россию четыре столетия назад. Примет этого много, от имени главного героя – Малюта Скураш, созвучного Малюте Скуратову; и ещё ряд деталей. Правда, реальность 1990-х годов была куда изобретательнее любого литератора: чего стоит, например, идея окружения Ельцина пожизненно закрепить за ним власть, объявив ее царской. Идея скоро угасла, но запомнилась фразой претендента на престол насчет того, что он не прочь стать царем Борисом Первым. Его тут же поправили: Борисом Вторым, однако дремучий невежда случайно попал в точку: время царствования Бориса Годунова – начало Смуты. События романа разворачиваются при «Борисе Втором», и прототипы персонажей – Ельцин с «семьей», Лебедь, Березовский, Ходорковский, Чубайс и другие, – изображенных емко и точно, легко узнаваемы. Уже одно это обеспечило бы книге успех, однако задача автора была гораздо серьезнее: показать «механизм», психологический исток смуты.

Роман называется «Тень гоблина». Слово «гоблин» сродни русскому «бес», и действие романа развивается как бы в двух планах: хроника политических интриг – и демонические силы, движущие ее исполнителями. Бесовские повадки известны: прельстить, замутить, вселить раздор в людские души. Под влиянием «прелести» люди видят то, что прежде составляло основу душевной и духовной жизни, как в кривом зеркале, и готовы отбросить все во имя чего-то неясного, но манящего... Отличительные черты смуты – отказ от традиционных ценностей, презрение к родине и ее истории и отступничество, которым гордятся как доказательством свободомыслия и гражданского мужества. «Мы ведь со своей национальной исключительностью уже на протяжении почти двух веков представляем самую реальную угрозу всего человечества... Я бы вообще послал бы на хрен всю эту любовь к отеческим гробам и дымам родного пепелища и бросился в объятия русоборцев, если бы увидел в их глазах хотя бы искорку сочувствия и искренности», – размышляет Малюта Скураш. Все, как говорится, приплыли, и единственное, что мешает объятиям с русоборцами, – живой интерес в их глазах: «Когда же вы, наконец, издохнете?»

Последствия ослепления обычно плачевны. «Восемь лет назад все были смелее, активнее, еще до что-то верили и мечтали. На этих-то мечтах страну подловил и опустил бессовестно бывший обкомовец со своей прозорливой семейкой». Бывший обкомовец, по сути мелкий бес, ко времени действия романа уже полумертв, но те, кто вознес его на вершину власти, продолжают раздувать смуту. Смута – их естественная среда обитания: в густом мареве предательств, подмен, лжи никто не станет им помехой. И вот что странно: кипучая деятельность гоблинов имеет вполне реальные, житейские цели, зато взбаламученная ими жизнь приобретает фантазмагорические черты. Средневековые ритуалы во дворце Туркмен-баши; особняки за зубчатыми стенами, карикатурно подражающими кремлевским, в кавказских селах; генерал Плавский, готовый применить на себя роль Колчака, – весь этот трагифарс осенен тенью гоблина. Те, кто считает себя вершителями судеб народа, тоже во власти бесовского соблазна: сановные палачи сталинских времен мнят себя хранителями таинства власти; олигархи, самозванцы наших времен, уверены в своей всесильности; «отец всех туркмен» советуется с небесным голосом, звучащим в сводах его дворца. Прозвище «гоблин» с юности прилипло к одному из персонажей романа, Амроцкому (прототип – Березовский). Но циничный хитрец неожиданно попадает в положение беса из «Сказки о попе и работнике его Балде» – его, мастера интриги, обводит вокруг пальца обычный, неприметный человек. О «Сказке о попе...» напоминает еще один эпизод романа: дряхлый президент играет с «преемником» Пужиным в шашки на щелбаны. В сказке «с третьего щелчка вышибло ум у старика», однако в жизни все сложилось мягче: толоконный лоб гаранта конституции выдержал щелбаны, а бес исхитрился не платить оброка и отбыл с ним в Лондон.

Один из главных, знаковых персонажей романа генерал Плавский, крупный политический деятель смутных времен. Измученная страна видит в нем спасителя России, и если он объявит поход на захваченный гоблинами Кремль, к нему примкнут миллионы людей. Плавский бесстрашен, он открыто демонстрирует презрение к дряхлому «царю», совершает «марш-бросок» в Чечню для переговоров с Масхадовым, делает резкие заявления, фрондирует – но, вопреки общим ожиданиям, дальше этого не идет. Отставленный с поста секретаря Совета национальной стабильности, он отправлен в почетную ссылку – губернаторствовать в один из регионов Сибири; для присмотра за ним из Москвы присылают бывшего подчиненного, Скураша, однако Плавский сносит и это унижение. Он уверен, что и губернаторство, и дрязги с местными чиновниками – что-то вроде ложного маневра на пути к верховной власти. Плавский связан тайным договором с олигархом Амроцким, посулившим ему место преемника Ельцина, и нетерпеливо ждет своего часа. Гоблин сделал ставку на главные изъяны генерала – властолюбие и гордыню – и лживыми обещанием лишил воли и здравомыслия. В прежней государственной иерархии он занимал достойное место – «слуга царю, отец солдатам», – но теперь, при виде общего упадка и хаоса, намерен бороться за власть по принципу *кто смел, тот и съел*. Это в сказках храбрый солдат общается с нечистой без всякого ущерба для себя, но в жизни нужны сила и вера, чтобы избежать душевной порчи. Плавский – сильная личность, но ему свойственны нетерпимость, высокомерие, и люди, готовые ради спасения России идти за ним, не подозревают о тайномговоре вождя с гоблинами. Упование на диктатора, который наведет порядок в государстве, – один из соблазнов смутного времени, и если бы генерал Плавский получил власть, это стало бы бедствием для страны. В сущности он сильно напоминает «Бориса Второго» – только лет на двадцать моложе, в начале политической карьеры, и его окружение подстать пресловутой «семье». Плавский – порождение и жертва смуты, и пустырь на месте его гибели кажется памятником этих трагических времен. «Из-под снега проступали... как кровавые пятна на госпитальных бинтах, непокорные гвоздики, пуночные от скорби розы... Лапки венков, всевозможные подпорки, опрокинутые и растерзанные ветром, словно руки погибших солдат в белых маскахалатах, тянулись к кресту, к небу или просто торчали куда-то в сторону, являя собой протяжную, тоскливую картину».

Главная интрига сюжета – выбор преемника государственной власти, а в столь тонком деле всегда присутствует элемент мистики. «Промысел Божий, – скажет будущему преемнику его наставник, – или, по-атеистически думаю, что это проявление исторической справедливости». Конечно, думать по-атеистически не запретишь, но только слепой не видит, что у власти темные, стихийные силы, а воры, властолюбцы, выжиги, которые губят страну, – всего лишь их орудия. Они и сами знают, что зависимы: собрание банкиров безропотно подчиняется таинственному распорядителю, Плавский держит при себе пару сомнительных колдунов, а «отец всех туркмен»

принимает решения с согласия некоего небесного голоса. И в круг этих подлинных и мнимых демонических сил вступает человек, выбранный Амроцким и «семьей» президента. Выбор между своенравным, честолюбивым Плавским и исполнительным, без всяких амбиций, Пужиным кажется безошибочным — этот аккуратист станет новой марионеткой гоблинов. Но за Пужиным стоит сила, которая развеет бесовские чары, — он, верующий человек, обращается в борьбе к Божьей помощи. В фольклоре есть немало притч о «простецах», которые силой своей веры одолевают дьявольские козни. Пужин, простец, который возлагает решение своей судьбы на Божью волю и готов принять и «нести возложенную на него Господом ношу, какой бы непосильной и ненавистной она ни была», — один из таких простецов. «Откровение снизошло на него... и стало доподлинно ясно, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не станет ничьей марионеткой. А пройдет двой отмеренный судьбой и Богом путь так, как ему повелят его совесть и правда». Однако, следуя законам «смутного времени», автор заставляет нас усомниться и в этом благородном порыве.

Роман «Тень гоблина» создает емкий, многоплановый образ России конца прошлого века, где присутствуют и хроника борьбы в политических верхах, и психологический очерк смуты, и притча о людях и гоблинах.

Иерусалим, август 2008

Даниил ЧКОНЯ

ГРУСТНОЕ ВЕСЕЛЬЕ БОРИСА ВАЙНБЛАТА

Борис Вайнблат. Рассказы, написанные в Германии. Новеллы. Дортмунд. Verlag "Partner", 2008. 60 с.

У этой тоненькой скромной книжки — свой негромкий характер, свое лицо. Писать об авторе, человеке, разменявшем седьмой десяток лет, как о литературном дебютанте странновато. Не потому, что никто не начинал писать в таком возрасте. Но чаще всего это люди, прожившие заметную жизнь в искусстве, в науке, наконец, в политике; люди, взявшиеся за перо, чтобы рассказать о своей жизни.

Бывший харьковский инженер Борис Вайнблат засел за компьютер, переехав на жительство в немецкий Дортмунд, что сразу же настораживает: слишком много людей, оказавшись неволевыми в силу разных обстоятельств эмигрантской жизни, стали заполнять свой досуг литературными упражнениями на тему повседневных забот и хлопот получателя социальных пособий. Самое грустное, что авторы этих бесконечно однообразных миниатюр даже не замечали, что одними и теми же словами пересказывали одни и те же расхожие байки, звучавшие в любом эмигрантском застолье. Риск того, что Борис Вайнблат станет одним из многих безликих авторов этих обезличенных рассказов, вероятно, существовал. Но в его первых же новеллах уже присутствовала своя интонация, свой взгляд на общие вещи. И он сумел, что я считаю главным его достижением, поймать эту нотку своеобразия и упорно стал ее развивать.

Книжка названа просто, не мудрствуя лукаво: «Рассказы, написанные в Германии». Эти суховатость, лапидарность в лучшем смысле слова очень характерны для Бориса Вайнблата.

Многие его миниатюры носят характер воспоминательный, создавая ощущение, будто автор попросту пересказывает были, истории, но среди его новелл немало таких, которые подтверждают, что для их создания понадобились писательская фантазия, писательский взгляд, неожиданный метафорический ход.

Такими в особенности воспринимаются его «мидраши». Мидраши — аллегорические комментарии к Библии, раскрывающие ее новые глубинные смыслы. Так, несколько упрощая, можно объяснить значение этого слова. Вайнблат пишет свои мидраши, свой комментарий, обнаруживая свое, неожиданное восприятие библейских сюжетов. Так происходит в новелле «Сара и Агарь». Сара, идущая к палатке мужа, замечает, как поздним утром от палатки удаляется его любимая наложница Агарь, и выговаривает той, мол, не очень-то ты, раба, торопишься на работу. «Я за тебя работаю ночью, а ты могла бы за меня поработать днем», — съязвила Агарь, выпячивая свой растущий живот». Сара по-женски оскорблена, ведь наложница права: Сара бесплодна. И

жена Авраама зло бросает, мол, следовало бы выпороть служанку за дерзость, но вдруг она скинет и не родит для дома еще одного работника, раба. Агарь родит Исмаила, старшего, но незаконного сына Авраама, а Бог даст Саре Исаака, сына законного, и придется Аврааму отправлять из дому служанку и ее сына. Картина ухода Исмаила и его матери завершает известный библейский эпизод неожиданно:

«Исмаилу не хотелось уходить от знакомых с рождения шатров... но Агарь неумолимо тянула его в пустыню Вирсавии. И тогда он поднял с земли камень, прицелился и швырнул в Исаака.

И это был первый камень интифады».

От такого юмора и веселья немного, скорей на невеселые размышления настраивает читателя автор.

Вообще многие рассказы Вайнבלата представляют собой развернутый анекдот, где житейская история обретает характер то веселой, то грустноватой, но полной иронии притчи. Вот еврей из давнего белорусского местечка приходит к мудрому ребе Гершу, чтобы решить проблему: корова Манька, кормилица семьи, не подпускает к себе быка, а ведь в семейном бюджете телушка, проданная давно ждущим приплода соседям, стала бы спасением; что делать, должен посоветовать мудрый ребе, к которому даже из самого Вильно раввины потолковать о торе наезжают. И вместо совета ребе констатирует: «Твоя корова из Минска». Еврей в недоуменном восторге спрашивает раввина, откуда ему всё известно. «У меня жена тоже из Минска!» – грустно вздохнул мудрый ребе.

В рассказах Вайнבלата то препарируются библейские сюжеты, то возникают реалии прошлой жизни на родине, то звучат эмигрантские мотивы. Анекдотичность ситуации остается во многих случаях излюбленным приемом автора. Герой очередного рассказа приходит домой и рассказывает жене о том, что встретил своего бывшего сослуживца, главного инженера, который когда-то на партсобраниях клеймил сионистов, а теперь заделался еврейским эмигрантом, будучи евреем по матери. Пикантность сюжета в том, что быстро осваивающийся в любой обстановке бывший главный инженер уже успел со многими перезнакомиться и намерен назавтра принять участие в ветеранской утренней пробежке. Герой тоже член этого клуба бегунов-ветеранов, и с ужасом представляет, какой позор ждет его следующим утром: ведь он врал всем, что был главным инженером, а «Двух главных инженеров не бывает», как называется эта новелла. Промучившись ночь, он не выходит на утреннюю пробежку, а днем встречает бывшего начальника штаба и готовится к разоблачению. Но бывший начальник штаба радостно приветствует героя: «А знаешь, нашего полку прибыло. Тут рядом новенький поселился, бывший замминистра».

В тоненькой книжке новелл Бориса Вайнבלата и печальная история про деда, для которого его собачка – напоминание о внуке, с которым они ходили на собачьи выставки и который погиб в Афганистане, и щемящая незамысловатая история женского одиночества из рассказа «Нина».

Наверно, можно порассуждать на тему о том, что порой автор, добивающийся лаконичности и предельной сжатости своих миниатюр, «подсушивает» свою прозу. Возможно, он прав, чувствуя, в чем сила его строгой повествовательной манеры. Но хочется пожелать Борису Вайнבלату новых обретений, расширения его писательской палитры, большей стилистической раскованности.

Тем не менее, многие вещи из этой книжки по-настоящему трогают, заставляют читателя сопереживать героям, задумываться над своей жизнью. И это свидетельство того, что автор на верном пути.